

УДК 94(470)

Н.В. Козлова¹

**Персонализированная среда обитания российского
горожанина XVIII в.: источники и методика
реконструкции²**

Город; городское население; среда обитания; круг общения; массовые источники; крепостные акты.

На основе записных книг крепостных контор, материалов церковного и административно-полицейского учета населения предлагается методика реконструкции личного круга общения городских жителей XVIII в.

Современной историографии присуще понимание социальной истории как системы социальных позиций, жизненных практик («стратегий поведения»), ценностных ориентаций и культурных моделей, проявлявшихся как в процессе общения людей разного социального статуса и уровня жизни, так и при взаимодействии их с властью. В своей совокупности эти проявления социальности формировали среду, что охватывала все сферы жизнедеятельности человека. Стремление понять историческое прошлое через анализ действий, поступков, мыслей и чувств отдельных лиц, присущее историографии наших

---

¹ Козлова Наталия Вадимовна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н.; nvk@nm.ru.

² Статья подготовлена в рамках проекта «Семейно-правовые акты дворян Москвы XVIII в.» при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00011а).

дней, определило другую характерную особенность современных исторических исследований: они наполнились самыми обычными людьми, ставшими историческими персонажами. Реконструкция круга общения лиц разного социального положения важна для лучшего понимания природы разнообразных связей между людьми ушедших эпох, жизни российского социума в целом. Благодаря такой реконструкции появляется возможность представить конкретное лицо не изолированно, а в персонализированной среде обитания. Но чтобы реализовать такую возможность, необходимы источники, позволяющие сделать это.

В этой связи первостепенное значение приобретает введение в научный оборот ранее не известных материалов, и что особенно важно – раскрытие новых возможностей хорошо знакомых источников. В предлагаемом сообщении автор обратится к трем видам исторических материалов по Москве XVIII в. Все они давно и плодотворно используются для изучения различных проявлений социальной жизни в целом, но до сих пор практически не задействованы для реконструкции социальных связей и среды общения, личностного пространства людей знатных и никому не известных. Первый вид источников составляют обширные комплексы документов крепостных контор, включающие коллекции записных книг частноправовых актов и документы, возникавшие на разных стадиях их регистрации. В них фиксировались различные сделки, заключавшиеся лицами разной сословной принадлежности (купля-продажа недвижимости, кредитные операции, наем работников, отпуск на волю дворовых людей, семейные разделы, завещания, наследование, вступление в брак и пр.). Принимая во внимание, что от периода Средневековья и раннего Нового времени отечественные фамильные архивы немногочисленны и сохранились плохо, записные книги крепостных контор являются исключительным по ценности массовым историческим источником, восполняющим этот пробел.

Всего за 1701 – 1782 гг., по подсчетам Г.Д. Капустиной, в Московской крепостной конторе, документы которой хранятся в фонде Юстиц-коллегии РГАДА (№ 282), сохранилось 1935 записных книг [2, с. 228]. Это огромный массив документов, обращение к которым дает возможность с близкого расстояния увидеть некоторые перипетии жизни дворян-помещиков, чиновников, канцеляристов, священно и церковнослужителей, купцов, а также проживавших в Москве иноземцев, дворцовых служителей и крестьян. Значение выявляемых записей повышается, когда удается обнаружить несколько однотипных документов, относящихся к представителям одной фамилии, семье, или

различные по видам записи, составленные одним лицом. На примере крепостных записей семейно-правовых документов автор попытается понять, из каких личных связей и контактов складывалась ближайшая персонализированная среда обитания московского жителя.

Окружение каждого человека было многолико. При всей индивидуальности частной жизни все же имелись некоторые общие сферы жизненного пространства, формировавшие это окружение. По наблюдению американской исследовательницы, изучавшей российский феномен «чести» в раннее Новое время, Н.Ш. Коллманн, «жители Московской Руси представляли себя принадлежащими одновременно к нескольким сообществам: к родовой группе, семье, системе патроната или договора, к деревне, городу и ступеньке на социальной лестнице [6, с. 109-110]. Ближайшая среда общения складывалась внутри семьи и рода в целом (родители, жена, дети, внуки, братья, сестры, дяди, племянники и т.д.) К этому кругу добавлялись связи по свойству, то есть установленные в результате брака (тесть, теща, свекор, свекровь, деверья, золовки и т.д.). И те и другие широко задействовались в различных жизненных ситуациях, особенно, когда речь шла о событиях, касающихся как семьи в целом, так и жизни отдельных ее членов. К таким наиглавнейшим событиям, имевшим как сакральный, так и земной смысл относилось заключение брака и составление завещания [3, с. 342-343; 4]. Как правило, среди лиц, приглашавшихся в качестве свидетелей при составлении сговорных и духовных, присутствовали кровные родственники и свояки³.

Выполнение распоряжений, даваемых на случай смерти, возлагалось на душеприкащиков. Их в своей духовной назначал сам завещатель из числа наиболее близких ему лиц. Среди них могли быть родственники, но нередко встречались и лица, не состоящие в отношениях родства и свойства, но пользующиеся доверием завещателя [3]. Иначе и быть не могло, так как душеприказчикам поручались не только хлопоты о погребении тела и поминании души, но и заботы сугубо делового свойства, связанные с хозяйством и имущественными отношениями, а порой и с опекой над малолетними сиротами.

Исключительную роль в жизни каждого православного человека играли духовные отцы. Именно им нередко вручалось и попечение о душе усопшего. Душеприказчиками назначались также и приятели. Это наименование отражало особый характер отношений, связывавших людей, взаимную душевную близость, существовавшую между

---

³ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 624. Л. 626-627.

ними. Примеров тому масса⁴. Из них видно, что между теми, кого называли приятелями, существовали весьма тесные как деловые, так и личные связи.

Природу таких связей не всегда удастся раскрыть полностью, поскольку, как правило, если это не отношения родства или свойства, то о них можно судить лишь по косвенным и к тому же беглым упоминаниям. В любом случае требуются дополнительные кропотливые изыскания относительно личных связей, служебной и хозяйственной деятельности интересующих лиц. Некоторые из этих связей очевидны. В частности, помимо родственников, свойственников и деловых партнеров, в качестве свидетелей приглашали сослуживцев по военной или гражданской службе, задействуя систему патронатно-клиентских отношений⁵.

Для установления круга лиц, особенно близких друг другу важен не только состав свидетелей, но и порядок рукоприкладств. Судя по некоторым записям он зависел не от чина, а от степени родственной, служебной или дружеской близости к лицам, упоминаемым в документах. Иначе трудно объяснить, почему подписи, например, стряпчего и дьяка могли оказаться впереди капитана и полковника⁶, к тому же князя, а посадский человек мог расписаться раньше стольника⁷.

Итак, имена душеприказчиков, свидетелей, скреплявших своими подписями каждую крепостную запись, поручителей, не говоря уже о тех, от имени кого составлялись акты и кто в них упоминался, позволяют установить лиц, которые разными отношениями были связаны друг с другом. Сплошной просмотр записей одного вида (духовных, сговорных, рядных, купчих, заемных, жилых, вотчинных, крестьянских и т.д.) с внесением всех упомянутых в них имен в соответствующие базы данных является необходимым, хотя и весьма трудоемким, этапом на пути решения этой задачи. Перекрестное использование информации сформированных баз раскроет характер отношений, существовавших между людьми разного статуса и положения на персональном уровне, что не только значительно продвинет изучение социальных процессов, но и откроет новые возможности в изучении биографии конкретных лиц.

---

⁴ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2586. Л. 1 об – 2 об; Д. 1974. Л. 1 об – 2 об; Оп. 1. Ч. 1. Д. 877. Л. 694 – 694 об.

⁵ Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 943. Л. 635.

⁶ Там же. Д. 624. Л. 544 об – 545.

⁷ Там же. Д. 543. Л. 55 – 55 об.

Кратко обозначим еще два направления поиска путей реконструкции личностной среды обитания человека в обществе. Оба они прекрасно дополняют друг друга. Первое связано с организацией к концу 1730-х годов учета по церковным приходам, ставшим первичной церковно-административной единицей, совершения православным населением основных церковных таинств – исповеди и причастия. Результатом такого учета, возложенного на священников приходских церквей, стало появление исповедных росписей, которые велись по единой форме. Они представляли собой подворный именной перечень всего наличного православного населения прихода, в котором дворохозяева объединены по семи социальным категориям: «духовные», «военные», «приказные» («статские»), «разночинцы», «посадские», «дворовые» и «поселяне» (они же «крестьяне»). Ежегодно отсылаемые в духовные консистории приходские ведомости в Москве группировались по сорока́м, крупным церковно-административным единицам, а внутри них – по приходам и открывались реестром полученных росписей приходских церквей сорока Москвы за конкретный год. Если на территории прихода располагался монастырь или при церкви имелась богадельня, то содержащиеся в них богадельные люди, а также все бельцы (келейные и вкладчики) включались в именной перечень с указанием возраста, а при наличии семьи, ее состава, и нередко социальной принадлежности. В итоговой таблице помещались данные о числе дворов, численности мужского и женского населения приходов по социальным категориям с выделением в отдельную рубрику дворовых и при наличии – «раскольников».

Исключительную важность исповедные ведомости имеют для характеристики состава жильцов дворов приходского населения, поскольку содержат упоминание не только каждого члена семьи, родственников, но и прочих домочадцев (служителей, работников, дворовых, квартирантов и других лиц) с указанием возраста, родственного или иного отношения к главе двора. В итоге появляется возможность не только представить демографические параметры населения конкретного церковного прихода (численный, социальный, половозрастной, семейный состав), но и с близкого расстояния увидеть его в качестве общности, соединенной в повседневной практике религиозной жизни.

Именно в приходской церкви происходило соприкосновение людей самого разного социального и имущественного положения. Хотя знатнейшие дворяне по особому разрешению Синода по-прежнему имели собственные домовые церкви, но и они во время больших церковных и престольных праздников посещали приходской

храм. Являясь духовными детьми одного пастыря, участвуя в крестинах, венчаниях, отпеваниях, прихожане реально становились «братьями и сестрами во Христе». Дополнительные возможности для конкретизации этих наблюдений может дать анализ метрических книг по тем же приходам для выявления лиц, являвшихся восприемниками при крещении детей или посаженными отцами и матерями при венчаниях. Это позволит установить особый уровень связей между людьми разной социальной принадлежности, или, напротив, степень социокультурной устойчивости той или иной социальной общности⁸.

Документы церковной статистики учитывают приходское население, а следовательно, выявляют связи между людьми на уровне прихода в целом. Обращение же к материалам административно-полицейского учета московского населения позволяет установить местонахождение всех дворов в рамках прихода, локализовав их в пространстве конкретной улицы, переулка, тупика, по отношению к приходскому храму. Особую ценность представляют «Переписные книги города Москвы 1737-1745 гг. (Т. 1-8. М., 1881-1891), которые содержат также сведения о размерах земельных участков, имени и социальном положении владельца двора, взаимном расположении дворов по городским магистралям. Нередко в них присутствует указание на год и условия приобретения двора и земельных участков у прежних владельцев, что позволяет представить картину постепенного расширения дворового места за счет покупки соседних земельных участков, а также дополнить список лиц, некогда имевших дворы в том или ином месте Москвы⁹. Материалы переписи дворов в издании сгруппированы по существовавшим тогда 12-ти полицейским командам и входившим в их состав частям города, а внутри в последовательности движения переписчика сначала по одной стороне улицы с заходом в примыкавшие переулки и тупики, а потом в обратном направлении по другой стороне. В итоге сведения о расположении дворов одного прихода нередко перемежались материалами по дворам, относившимся к другим приходам. Для наших же целей это обстоятельство, побуждающее к сплошному просмотру всех записей не только отдельно взятой команды, но и всех прилегающих к ней полицейских частей других команд¹⁰, дает возможность в ином ракурсе представить персонализи-

---

⁸ Интересный опыт анализа социальных связей группы разночинцев Замоскворецкого сорока Москвы за 1741-1856 гг. представлен в работе Э.К. Виртшафтер. См.: [1, с. 89-101].

⁹ См., например: [7, с. 124, № 67].

¹⁰ Ориентироваться в материалах переписных книг помогают опубликованные к ним указатели. См.: [8].

рованное городское пространство, не замыкая его рамками церковного прихода. В реальной жизни оказывалось, что прихожане разных церквей являлись ближайшими соседями по улице и, принадлежа к одной полицейской части города, совместно участвовали в исполнении обязанностей по поддержанию городского хозяйства (мощение улиц, обеспечение противопожарных мер и др.).

При внесении данных в электронные программы Access или Excel (имя, статус, приход, улица, номер дома) устанавливается персонализированное городское пространство Москвы на уровне прихода, улицы, квартала, полицейской части. Полученные наблюдения в совокупности с биографическими разысканиями позволят не только лучше понять характер расселения московского люда, природу социальных связей городских жителей, но и получить новые данные по конкретным персоналиям.

1. *Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Под ред. А.Б.Каменского. М., 2002.
2. *Капустина Г.Д.* Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник (первая четверть XVIII в.) // Проблемы источниковедения. Т. VII. М., 1959.
3. *Козлова Н.В.* «На чьей опеке...должны быть воспитаны...» Опека и попечительство в среде московских купцов в XVIII веке // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003.
4. *Козлова Н.В.* «Пишу сию мою духовную...»: сакральный смысл частного правового акта XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 17-19 ноября 2011 г. М., 2011.
5. *Козлова Н.В.* Свадебные акты записных книг Московской крепостной конторы начала XVIII в. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археологии. Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2-3 февраля 2012 г. М., 2012.
6. *Коллманн Нэнси Шилдс.* Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.
7. Переписные книги города Москвы 1737-1745 гг. Т. 5. М., 1881.
8. Указатели к изданным Московским городским управлением переписным и межевым книгам XVII и XVIII столетий. М., 1894.